

**НОВГОРОД
И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ.
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**

**Материалы XXIX научной конференции,
посвящённой 150-летию
Новгородского музея-заповедника,
Великий Новгород, 27—29 января, 2015 г.**

Выпуск 29

УДК 9(С 128.3)
ББК 63.3(2-4 Нов)
Н72

Ответственный редактор — академик В. Л. Янин

Редколлегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов
доктор исторических наук Е. А. Рыбина
кандидат исторических наук С. В. Трояновский

General Editor — V. L. Yanin

Editorial Board:

E. N. Nosov
E. A. Rybina
S. V. Troyanovskiy

Н72

Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXIX научной конференции, посвящённой 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 27–29 января, 2015 г. Выпуск 29/ Новгородский музей-заповедник — СПб.: Первый ИПХ, 2015. — 336 с.: ил.

ISBN 978-5-86983-685-4

УДК 9(С 128.3)
ББК 63.3(2-4 Нов)

На обложке: Накладка из цветного металла с изображением гуслира кон. XIV–нач. XV вв. из раскопа на ул. Большой Московской, 30 (Рогатицкий-II). 2014 г.

ISBN 978-5-86983-685-4

© Новгородский музей-заповедник, 2015
© Авторы статей, 2015

А. А. Евтеев

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ПАНТЕЛЕЙМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Пантелеймонов монастырь располагался на южной окраине современного Новгорода, на территории Музея народного деревянного зодчества «Витославлицы». Эта обитель имела долгую и непростую историю. Периоды строительства сменялись периодами запустения, многократно менялся статус монастыря и владельцы земли, на которой он располагался. Основан он был не позднее середины XII в., однако первый каменный храм появился там в 1207 г. К моменту ремонта в 1372 г. он уже изрядно обветшал и частично разрушился. На раннем этапе своего существования, до XV в. включительно, монастырь был связан с новгородским боярством и служил, в том числе, усыпальницей знатных людей города¹. В XVI–XVII вв. происходила постепенная утрата обителью своего статуса и значения. Она, по всей видимости, лишилась состоятельных ктиторов, в начале XVII в. была разорена шведами, а затем в 1667 г. и повторно в 1764 гг., была приписана к Юрьеву монастырю. Далее территория, на которой располагался монастырь, превращается в усадьбу: сначала – помещиков Семевских, которые в 1810–1811 гг. восстанавливают каменный храм монастыря, а затем – Орловых. В 30-х гг. XIX столетия графиня А. А. Орлова-Чесменская вновь передает землю при церкви, уже превращенную в мызу с каменным особняком, в дар Юрьеву монастырю².

Несмотря на все эти перемены, захоронения у стен каменного храма Пантелеймонова монастыря продолжались практически все время его существования и были весьма многочисленны. Нет нужды говорить, что социальный статус и происхождение погребенных резко отличались в разные периоды жизни обители. Археологическими методами удастся выявить в некрополе захоронения XIV–XV вв. (ранний период), XVI–XVII (XVIII) вв. (монастырский период) и XVIII–XIX вв. (усадебный период)³.

В данной статье публикуются результаты изучения палеоантропологических материалов, полученных при раскопках храма Пантелеймонова монастыря в 2009–2013 гг., включающие половозрастную, краниометрическую, остеометрическую, остеоскопическую и палеопатологическую характеристики серии. Особое внимание уделялось сопоставлению погребенных трех основных периодов существования монастыря: раннего, монастырского и усадебного. Учитывая то, насколько радикально менялся со временем облик и статус обители, описание обобщенной палеоантропологической выборки в какой-то мере теряет смысл, что подтвердило и проведенное

¹ Седов Вл. В. О ранней истории новгородского Пантелеймонова монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4(46). С. 13–31.

² Седов Вл. В. Пантелеймонов монастырь: история исчезнувшей обители // Альманах «Витославлицы». Великий Новгород, 2014. Вып. 3. С. 31–39.

³ Седов Вл. В. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Пантелеймонова монастыря и поисках оснований каменных храмов на территории Аркажского монастыря в Великом Новгороде в 2011 г. М., 2012; Его же. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Пантелеймонова монастыря, Благовещенского на Мячине монастыря и поисках оснований каменных храмов на территории Аркажского монастыря в Великом Новгороде в 2012 г. М., 2013; Его же. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Пантелеймонова и Юрьева монастырей в Великом Новгороде в 2013 г. М., 2014.

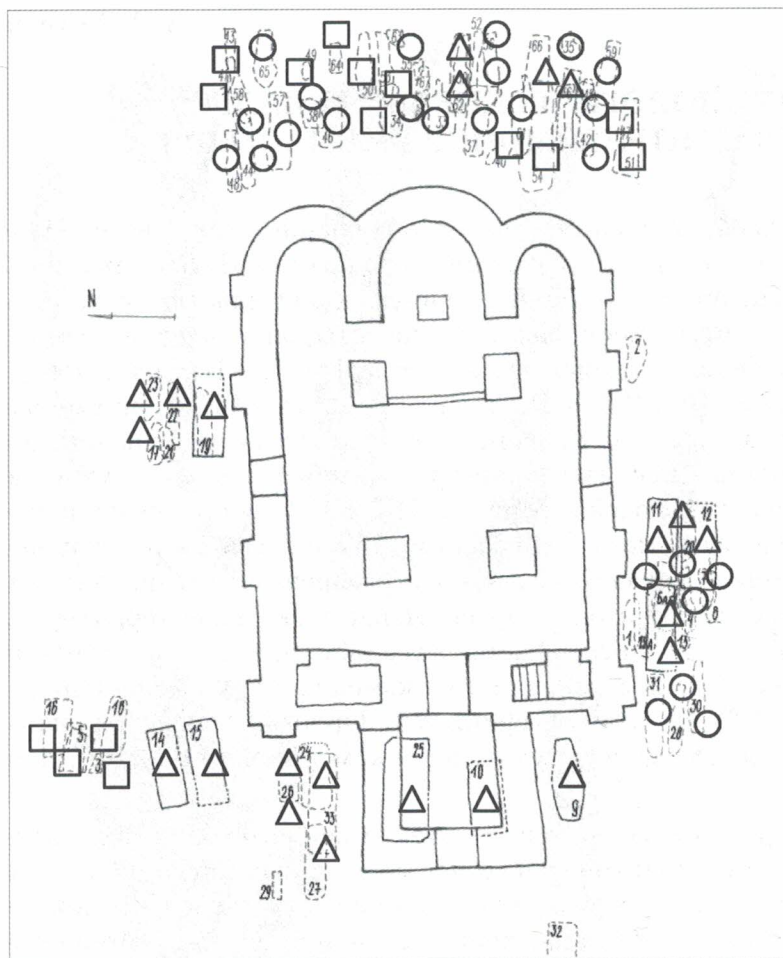

Рис. 1. Распределение захоронений разного времени на территории некрополя Пантелеймонова монастыря. Треугольники – погребения XIV–XV вв., круги – XVI–XVII (XVIII) вв., квадраты – XVIII–XIX вв.

антропологическое исследование. Всего был изучен костный материал из 62 погребений, 21 из которых относится к раннему периоду, 26 – к монастырскому и 15 – к усадебному. Помимо этого были измерены 23 черепа из слоя. Нужно отметить неоднородную и часто неудовлетворительную сохранность и комплектность костного материала. Это необходимо учитывать при анализе некоторых из полученных результатов.

Определение половой принадлежности погребенных производилось преимущественно с учетом морфологии тазовых костей, а в случае их значительного повреждения или отсутствия – морфологии черепа и других элементов скелета⁴. Измерения черепа и посткраниального скелета проводились по принятой в российской антропологии программе⁵. Развитие рельефа длинных костей в местах прикрепления мускулатуры оценивалось по системе В. Н. Федосовой в переработке М. Б. Медниковой⁶. Палеопатологическая часть исследования в целом базировалась на программе регистрации патологических и стрессовых маркеров А. П. Бужиловой⁷.

Анализируя планиграфию могильника, можно заметить, что погребения разных периодов неравномерно распределены по площади некрополя (рис. 1). Ранние погребения концентрируются у западной стены храма, а также – в непосредственной близости от северной и южной стен. Погребения монастырского периода в ос-

⁴ Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963; White T.D., Folkens P.A. Human Osteology. Academic Press, 1999.

⁵ Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия. М., 1964; Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1966.

⁶ Медникова М.Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 151–165.

⁷ Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–146; Ortner D.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. Academic Press, 2003.

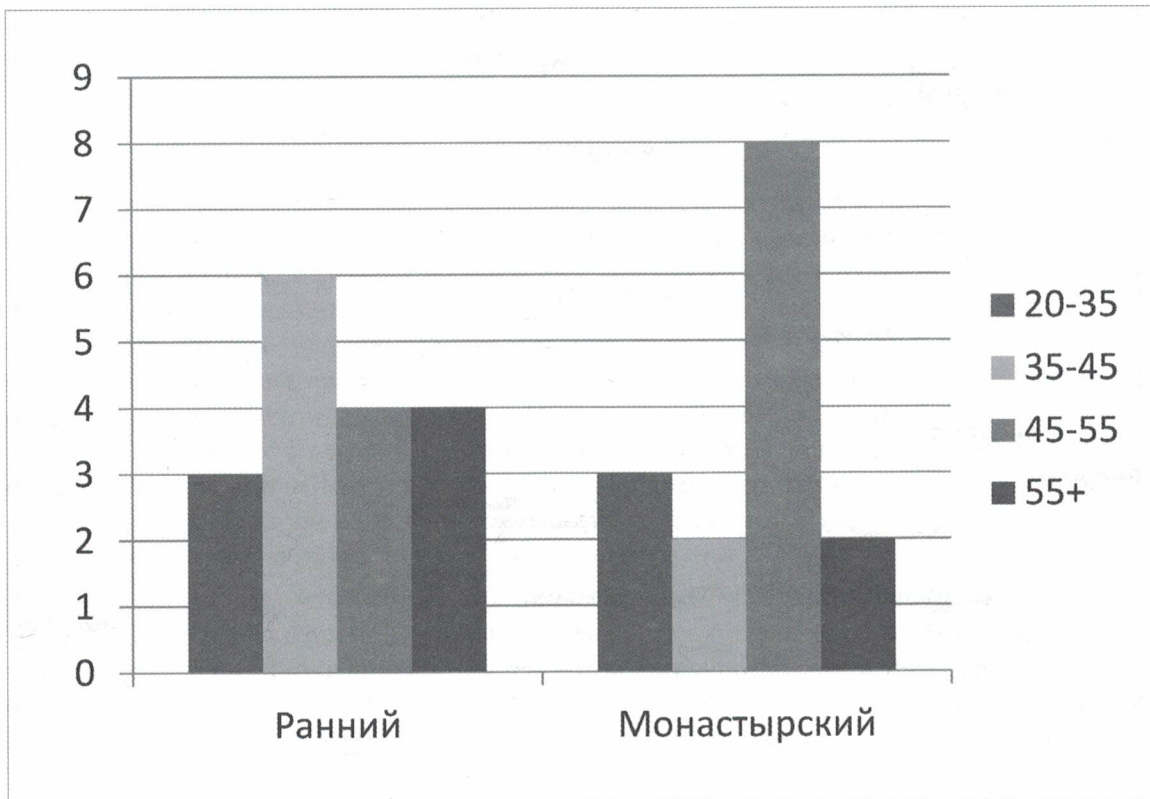

Рис. 2. Распределение погребенных XIV–XV и XVI–XVII (XVIII) вв. по возрастным когортам

новном располагаются на обширном участке кладбища с высокой плотностью захоронений около абсид церкви. Лишь некоторые из них находятся возле южной стены. Наконец, самые поздние погребения совершенно не встречаются около южной, северной и западной стен храма. Кроме восточной части некрополя, несколько таких погребений были вскрыты около западной стены, однако на значительном расстоянии от нее. По всей видимости, поздние кладбища у абсид церкви и ее северо-западного угла были раскопаны лишь частично.

Отличия погребенных разных периодов становятся очевидны уже при анализе демографической структуры выборки. В группе раннего периода на 17 мужчин приходится двое детей и лишь одна женщина: процент погребенных женского пола находится, таким образом, в пределах ошибки метода. В группе монастырского периода наблюдается сходная картина: на 16 мужчин приходится 4 женщины и только один ребенок. В противоположность этому, в поздней группе число мужчин и женщин примерно равно (3 и 4 соответственно), также в нее входят 6 погребений детей, преимущественно младенческого возраста. Средняя продолжительность жизни без учета детской смертности приблизительно равна в группах раннего и монастырского периодов (43,3 и 43,6 лет соответственно) и может считаться высокой для средневекового населения. Однако возрастное распределение существенно отличается в двух частях выборки: если в ранней группе число мужчин молодого, среднего возраста и пожилых примерно одинаково, то в монастырской явно преобладают индивиды в возрасте 45–55 лет (рис. 2).

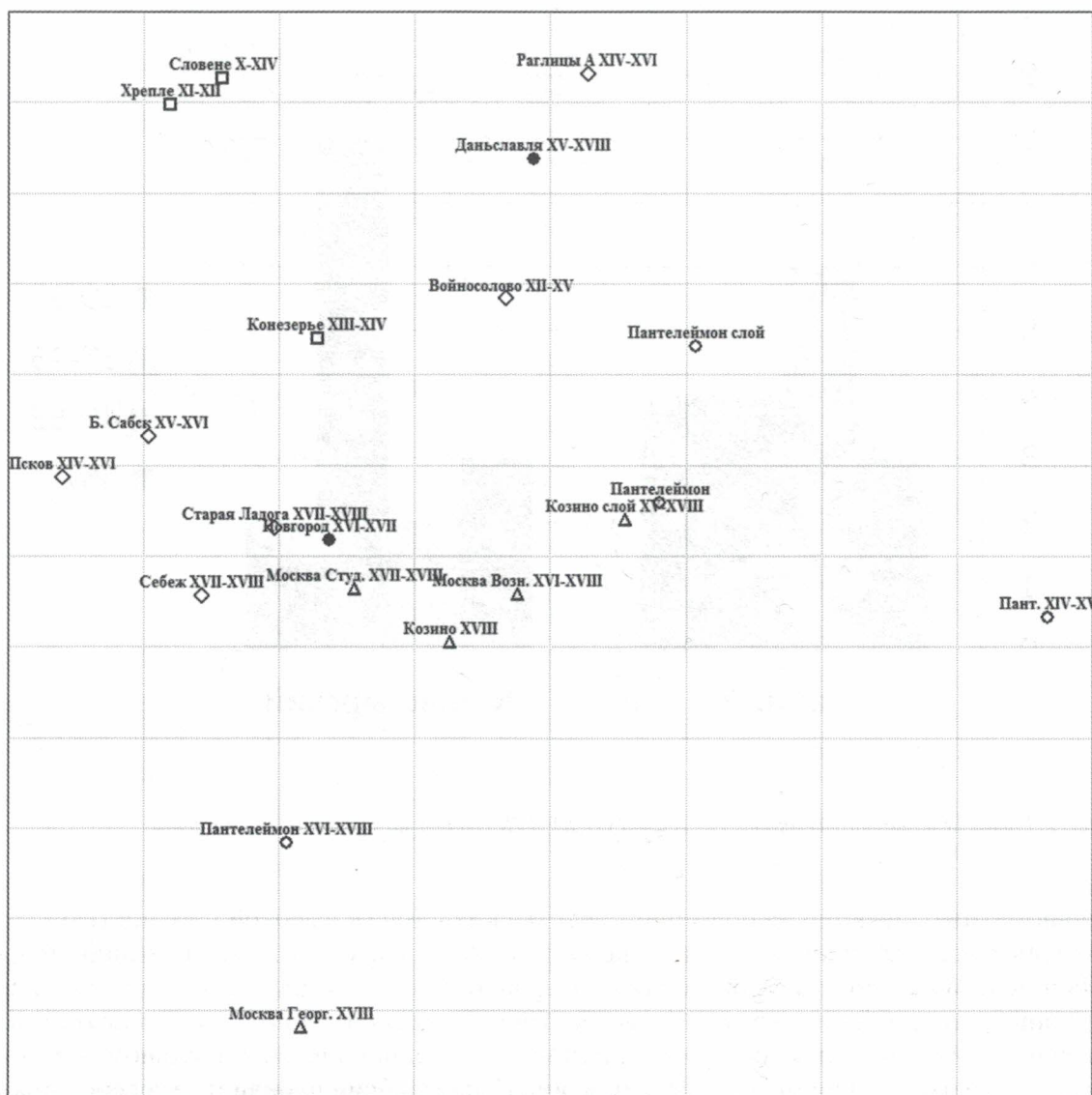

Рис. 3. Результаты межгруппового анализа: многомерное шкалирование евклидовых дистанций между группами по 12 краниометрическим признакам. Квадраты – средневековое население Новгородской земли; ромбы – население Пскова и окрестностей Новгорода Нового времени; треугольники – серии Москвы и Подмосковья Нового времени; заполненные круги – население Новгорода Нового времени; пустые круги – выборки из некрополя Пантелеймонова монастыря

Значения некоторых краниометрических признаков в общей серии, а также отдельно в мужских сериях раннего и монастырского периодов и черепов из слоя приведены в табл. 1. В данную таблицу вошли не все признаки, и автор готов предоставить дополнительные материалы и индивидуальные данные по запросу.

Средние значения признаков по серии в целом нельзя рекомендовать для использования в межгрупповых сравнениях, так как между выборками разных хронологических периодов существуют резкие морфологические отличия (табл. 1, рис. 3). Черепа монастырского периода по сравнению с ранними отличаются значительно меньшими размерами как мозгового, так и лицевого отделов, формой грушевидного отверстия, ослабленной профилировкой носовых костей и переносья. Облик чере-

пов из слоя — промежуточный между этими двумя вариантами — по некоторым признакам ближе к выборке раннего периода.

Предварительный межгрупповой анализ был проведен с использованием 12 краниометрических признаков: продольного, поперечного и высотного диаметров черепа, скуловой ширины и верхней высоты лица, ширины и высоты орбиты, ширины и высоты носа, симметрических ширины и высоты, зигомаксиллярного угла. Было проведено многомерное шкалирование евклидовых расстояний между выборками по всем 12 признакам (в двух измерениях, показатель стресса 0,12). В анализ была включена общая выборка мужских черепов из некрополя Пантелеймонова монастыря и, кроме того, выборки раннего и монастырского периодов и черепов из слоя (табл. 1). В качестве сравнительного материала были привлечены 16 серий, представляющих население Новгорода и Новгородской земли средневековья и Нового времени, население Пскова и его окрестностей, а также некоторые выборки из Москвы и Московской области того же хронологического периода⁸. Расположение сопоставленных выборок в пространстве первых двух осей многомерного шкалирования представлено на рис. 3.

Можно видеть, что выборка раннего периода из некрополя Пантелеймонова монастыря не находит себе аналогий среди рассмотренных групп. Возможно, такие аналогии будут обнаружены с привлечением более широкого круга сравнительных серий, однако, на наш взгляд, краниометрическая специфика индивидов из ранних погребений определяется их своеобразным социальным статусом и высокой вероятностью родства между собой.

Выборка монастырского периода также своеобразна, наиболее близка ей по данным анализа серия XVIII в. из Георгиевского монастыря в Москве.

Таблица 1. Параметры краниометрических признаков в серии из некрополя Пантелеймонова монастыря*

Признаки	Мужчины, общая серия			Женщины, общая серия			Мужчины, ранний период		Мужчины, монастыр- ский период		Мужчины, череп из слоя	
	X	S	N	X	S	N	X	N	X	N	X	N
1. Продольный диаметр	183,4	6,45	30	173,3	8,62	9	186,2	6	180,1	7	183,2	16
8. Поперечный диаметр	146,7	5,60	29	141,9	3,59	9	148,8	6	144,2	6	146,9	16
8/1. Черепной указатель	80,2	3,74	29	82,0	3,31	9	80,0	6	81,1	6	80,3	16

⁸ Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969; Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М., 1973; Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами их происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. М., 2000. Т. 2. С. 66–94; Дубов А.И., Дубова Н.А. Антропологическая характеристика четырех краниологических серий из средневековых некрополей Москвы. Там же. С. 130–150; Пежемский Д.В. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев. Там же. С. 95–129; Санкина С.Л. Этническая история Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000; Евтеев А.А. Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино (Московская область): внутригрупповая изменчивость и предварительные результаты межгруппового анализа // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2011. Т. 7. С. 433–440; Евтеев А.А., Олейников О.М. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // Российская археология. 2015. № 1. С. 176–192.

17. Высотный диаметр	136,6	5,63	28	128,1	5,59	8	138,1	6	132,1	6	137,5	15
5. Длина основания черепа	103,4	5,15	28	97,2	2,67	8	102,8	6	100,8	6	103,9	15
9. Наименьшая ширина лба	101,0	4,28	32	96,7	2,89	11	103,0	6	98,2	7	101,3	16
40. Длина основания лица	98,3	6,03	15	95,8	4,57	4	98,3	4	94,3	4	100,6	7
45. Скуловой диаметр	135,7	3,91	20	122,8	4,71	6	136,8	4	133,3	5	136,3	11
48. Верхняя высота лица	71,6	3,94	22	66,9	2,29	6	73,3	4	71,3	5	71,7	12
48/45. Верхний лицевой указатель	53,4	2,61	19	54,8	3,77	5	53,6	4	53,6	5	53,3	10
51. Ширина орбиты	41,0	1,46	24	40,1	1,53	6	41,6	4	40,8	6	40,9	14
52. Высота орбиты	33,5	1,60	24	33,8	1,89	6	34,2	4	33,4	6	33,3	14
52/51. Орбитный указатель	81,6	3,64	24	84,4	5,98	6	82,4	4	81,9	6	81,3	14
54. Ширина носа	25,4	1,75	24	22,8	1,65	6	26,8	4	24,6	7	25,5	12
55. Высота носа	51,9	2,69	24	48,8	1,75	6	51,8	4	52,1	7	52,0	12
54/55. Носовой указатель	49,1	4,08	23	48,2	3,73	5	51,8	4	47,7	6	49,0	12
MS. Максиллофронтальная ширина	22,1	2,12	25	20,2	2,32	7	21,9	5	22,2	6	22,4	13
MS. Максиллофронтальная высота	10,4	1,42	25	9,4	1,56	7	10,7	5	10,3	6	10,5	13
MS/MS. Максиллофронтальный указатель	47,8	8,07	25	47,2	8,67	7	48,9	5	46,4	6	47,6	13
SC. Симотическая ширина	10,1	2,52	29	10,0	2,26	7	10,0	5	10,4	6	10,1	16
SS. Симотическая высота	5,1	1,30	29	4,7	1,40	7	5,6	5	4,4	6	5,2	16
SS/SC. Симотический указатель	51,9	10,87	29	47,4	11,25	7	56,8	5	43,6	6	52,0	16
75(1). Угол выступающего носа	31,0	3,65	7									
77. Назомлярный угол	139,4	3,85	26	139,4	6,02	8	140,0	5	139,1	6	139,3	14
ZM. Зигомаксиллярный угол	127,4	4,05	21	126,8	7,19	6	132,1	4	126,9	5	126,1	12

* жирным выделены значения стандартных отклонений, превышающие пределы средних величин, курсивом – пределы средних величин неизвестны

Можно отметить резкие ее отличия от выборки предшествующего периода. При рассмотрении особенностей двух упомянутых выше частей серии важно также учитывать их малочисленность, особенно для некоторых признаков лицевого скелета.

Выборка мужских черепов из слоя сходна с сериями позднего средневековья и Нового времени из Новгорода и его окрестностей: Войносолова, Даньславли улицы (Новгород, Неревский конец) и Раглиц. Большая часть этих черепов была обнаружена при раскопках в восточной части храма и, вероятно, связана с расположенным

здесь наиболее «плотным» участком некрополя (рис. 1).

Общая мужская кра­ниологическая выборка из некрополя Пантелеймонова монастыря наиболее близка по своим характеристикам черепам из слоя, которые составляют более половины ее численности. В свете результатов проведенного меж­группового сопоставления можно порекомендовать использовать в сравнительных анализах отдельно средние по трем частям выборки: раннего периода, монастырского периода и черепов из слоя (табл. 1).

Параметры некоторых остеометрических признаков в общей серии, а также отдельно в мужских сериях раннего и монастырского периодов приведены в табл. 2. В данную таблицу вошли не все признаки, и автор готов предоставить дополнительные материалы и индивидуальные данные по запросу.

Очевидно, что в сериях двух периодов размеры скелета существенно отличаются. В выборке XIV–XV вв. размеры всех длинных костей относятся к категории больших значений, тогда как в монастырской – средних, а в случае с большеберцовой костью – на границе с малыми⁹. Отличия в размерах этой кости между двумя выборками особенно велики: общая длина в ранней группе больше на 34 мм или примерно на 1,5 «сигмы», что свидетельствует также об отличиях в пропорциях. Реконструированная длина тела составляет в ранней группе 174 см по формулам Троттер и Глезер 1958 г. для европеоидов и Верчелотти¹⁰ (в обоих случаях использовались длины бедренной и большеберцовой костей), а в группе монастырского периода – 167 и 166 см соответственно. Однако окружности диафизов некоторых костей – лучевой, локтевой, большеберцо-

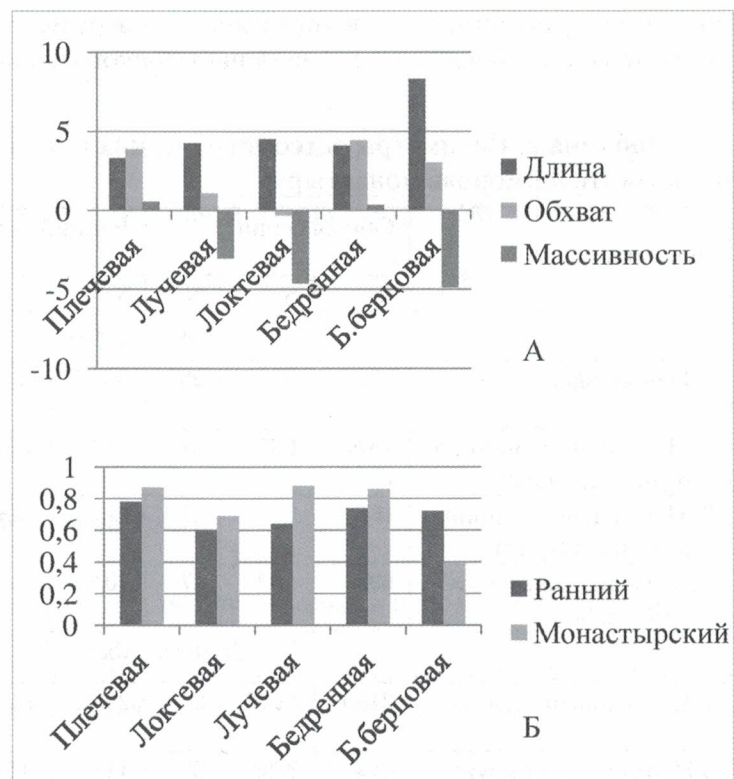

Рис. 4. Размеры и указатели длинных костей и показатели развития костного рельефа: а) Отличия между выборками XIV–XV и XVI–XVII (XVIII) вв. по некоторым размерам скелета и указателям массивности. Столбики отображают отличия размеров (индексов) в процентах: положительные значения в тех случаях, когда размер (индекс) больше в ранней группе, отрицательные – в монастырской; б) Отличия между выборками XIV–XV и XVI–XVII (XVIII) вв. по развитию мышечного рельефа длинных костей. Столбики отображают средний балл признаков той или иной кости (минус единица)

⁹ Пежемский Д. В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Дисс. на соискание степени к. б. н. М., 2011.

¹⁰ Алексеев В. П. Остеометрия. М., 1966; Vercellotti G., Agnew A.M., Justus H.M., Sciulli P.W. 2009. Stature estimation in an early medieval (XI–XII c.) Polish population: Testing the accuracy of regression equations in a bioarchaeological sample // American Journal of Physical Anthropology. 2009. V.140. P. 135–142.

вой – примерно одинаковы в двух выборках, в результате чего относительная массивность этих костей выше в группе монастырского периода (рис. 4а).

Таблица 2. Параметры остеометрических признаков в мужской серии из некрополя Пантелеймонова монастыря

Признаки	Общая серия*			Ранний период			Монастырский период		
	X	S	N	X	S	N	X	S	N
Плечевая кость									
1. Наибольшая длина	330,1	16,10	23	334,5	16,21	13	323,8	9,66	6
5. Наибольшая ширина середины диафиза	23,8	1,67	27	24,1	1,61	15	23,3	1,56	8
6. Наименьшая ширина середины диафиза	18,9	1,57	27	19,2	1,67	15	18,1	1,27	8
7. Наименьшая окружность диафиза	69,8	4,92	27	70,8	5,13	15	68,1	4,60	8
Лучевая кость									
1. Наибольшая длина	249,1	12,17	26	253,2	13,44	16	242,9	5,46	7
3. Наименьшая окружность диафиза	44,4	3,26	30	44,8	3,54	16	44,3	3,07	11
4. Ширина диафиза	18,5	1,87	33	18,8	2,24	16	18,5	1,48	13
5. Сагиттальный диаметр диафиза	13,2	1,03	33	13,3	0,91	16	12,8	0,92	13
Локтевая кость									
1. Наибольшая длина	272,1	14,52	19	277,3	16,45	11	265,3	8,01	7
13. Верхняя ширина диафиза	22,2	2,35	14	22,3	2,22	5	21,5	2,74	6
14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	24,8	1,94	14	24,3	0,97	5	25,1	2,76	6
3. Наименьшая окружность диафиза	38,9	3,17	27	39,1	3,01	14	39,2	3,52	10
Ключица									
1. Наибольшая длина	147,4	10,42	17	150,0	8,29	7	140,8	10,65	6
6. Окружность середины диафиза	41,1	4,08	26	43,1	5,10	12	39,3	2,25	8
Бедренная кость									
1. Наибольшая длина	455,5	23,67	23	465,5	26,26	11	447,1	17,03	10
9. Верхняя ширина диафиза	30,9	2,44	12	29,9	1,95	5	30,6	1,82	5
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	27,4	1,49	12	27,4	1,95	5	27,2	1,48	5

8. Окружность середины диафиза	91,8	6,57	26	93,5	6,97	14	89,6	6,26	10
Большеберцовая кость									
1. Общая длина	366,5	25,55	20	384,6	21,44	9	350,7	19,03	10
1а. Наибольшая длина	375,7	23,43	19	391,2	21,13	9	361,2	16,42	9
8а. Сагиттальный диаметр диафиза (на ур. пит. отв.)	35,3	2,53	21	35,4	2,66	9	34,6	2,30	10
9а. Ширина диафиза (на ур. пит. отв.)	25,4	1,86	21	25,4	1,93	9	25,1	1,88	10
10б. Наименьшая окружность диафиза	76,3	5,40	18	77,3	6,31	9	75,1	4,69	8

* включая 4 индивидов усадебного периода

Мышечный рельеф длинных костей развит в серии в целом несильно, средние для большинства признаков колеблются в пределах 1,5–2 баллов. При этом рельеф плечевой, лучевой, локтевой и бедренной костей немного сильнее развит в серии монастырского периода, тогда как большеберцовой кости – в серии раннего периода (рис. 4б).

Палеопатологическое исследование выборки принесло интересные и во многом неожиданные результаты (табл. 3; рис. 5), которые вновь подчеркивают специфику погребенных разных периодов существования некрополя. Травмы черепа встречаются примерно вдвое чаще в ранней группе (14,3% против 8,3%), однако в обоих случаях речь идет о средних для древнерусского городского населения показателях¹¹. Частота травм скелета в ранней группе очень высока (21,4%), однако сопоставима, например, с выборкой из некрополя с улицы Даньславли¹². В группе же монастырского периода этот тип патологий встречается беспрецедентно часто – у 7 из 11 обследованных индивидов (среди них 3 случая заживших травм позвоночного столба), что составляет 63,6% случаев. Зачастую несколько ярко выраженных и редко встречающихся патологий присутствуют на скелете одного индивида, и некоторых из них вполне можно назвать калеками. Так, у мужчины 45–55 лет из погребения 6а отмечены множественные переломы ребер со смещением и осколками и, наряду с этим, многочисленные патологии позвоночного столба. У мужчины старческого возраста из погребения 31 в правой вертлужной впадине имеется сквозное отверстие диаметром 18 на 11 мм, вероятно, воспалительного происхождения. У мужчины 45–55 лет из погребения 42 обнаружена травма позвонка на границе грудного и поясничного отделов, возможно – перелом крестца, а также следы интенсивного воспалительного процесса альвеолярного отростка верхней челюсти. Мужчина 45–55 лет из погребения 44: срастание двух шейных позвонков и травма черепа; мужчина старческого возраста из погребения 52: срастание 7-го шейного и 1-го грудного позвонков, переломы ребер, возможно – трещина суставной поверхности таранной кости; женщина старческого возраста из погребения 56: перелом 2-го шейного позвонка со смещением (сломан зуб) и последующее срастание 1-го и 2-го шейных позвонков

¹¹ Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995. С. 65.

¹² Евтеев А.А., Олейников О.М. Указ. соч. С. 176–192.

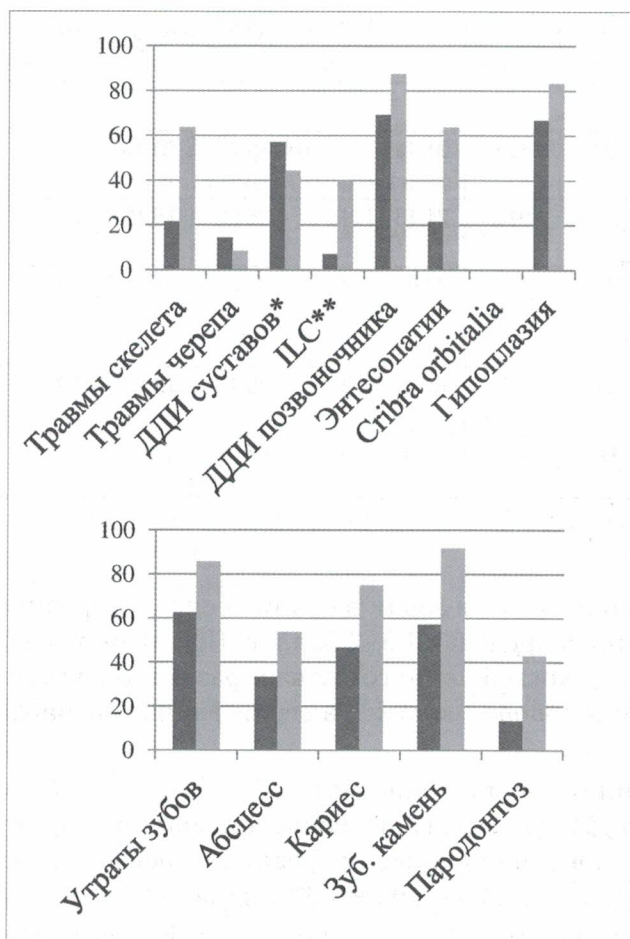

Рис. 5. Частота встречаемости некоторых патологий костной ткани. По левой оси отложена частота в процентах. Столбики более темного цвета – выборка XIV–XV вв.

Примечания:

* дегенеративно-дистрофические изменения суставов

** депрессии костной ткани в области *impression ligamenti costoclavicularis* (ключица)

нова монастыря от большинства других палеоантропологических коллекций. Сказанное, однако, не относится к выборке погребений, датируемых XIV–XV вв.

Продолжая сопоставление ранней и монастырской выборок, можно отметить в последней высокую частоту встречаемости депрессии костной ткани в области *impression ligamenti costoclavicularis* (ключица): 40% против 7,1% в ранней группе. Число энтезопатий в группе монастырского периода также чрезвычайно велико: 63,6% против 21,4% в ранней группе. При этом все без исключения случаи этой патологии у погребенных XIV–XV вв. отмечены на костях нижних конечностей, тогда как в монастырский период – 6 из 7 случаев фиксируются на костях верхней конечности. Сопоставляя эти данные с результатами остеометрического и остеоскопического исследования, можно прийти к заключению, что тип физических нагрузок существенно отличался у погребенных разного времени: в ранний период преобла-

(рис. 6а). Закончить это перечисление можно описанием скелета мужчины 45–55 лет из погребения 61, у которого был обнаружен вывих плечевого сустава с образованием ложного сустава и последующим прирастанием плечевой кости к лопатке (рис. 6б), срастание нескольких костей стопы, перелом ребра и резкие дегенеративные изменения суставных поверхностей ключиц. Нужно отметить, что все это обилие патологических изменений фиксируется, несмотря на достаточно плохую комплектность и сохранность скелетного материала серии.

Повышенная частота скелетных травм и патологий характерна и для следующего, усадебного периода. Например, у женщины старческого возраста из погребения 5 была, вероятно, ампутирована правая рука до середины предплечья, а также отмечена травма стопы, а у женщины 45–55 лет из погребения 41 – перелом суставной поверхности большеберцовой кости и перелом ребра. Целый ряд случаев резко выраженных патологий скелета отмечен и на костном материале из слоя.

Как число, так и характер этих патологий заметно отличают серию из некрополя Пантелеймонова монастыря от большинства других палеоантропологических коллекций.

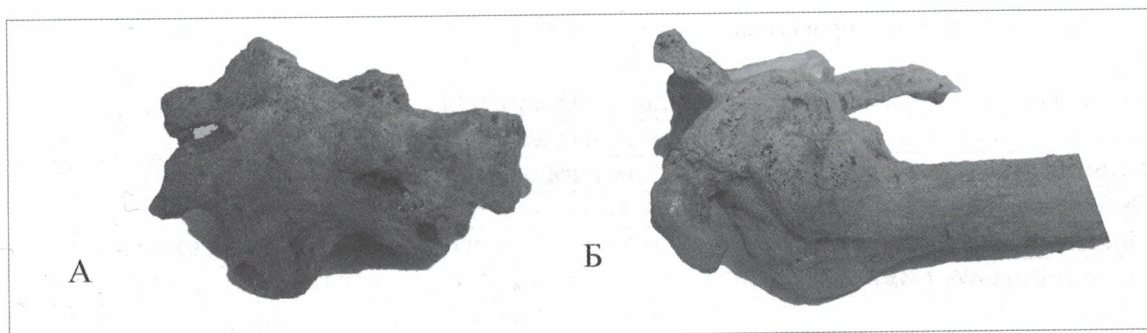

Рис. 6. Травмы у индивидов из погребений, датируемых XVI–XVII (XVIII) вв.: а) перелом зуба 2-го шейного позвонка со смещением (женщина старческого возраста из п. 56); б) вывих плечевого сустава и последующее срастание плечевой кости и лопатки (мужчина 45–55 лет из п. 61).

дала нагрузка на нижние конечности, и преимущественно – большеберцовую кость, в монастырский – на верхние конечности, особенно кости предплечья.

Процент патологий суставов и позвоночного столба одинаково высок в двух выборках при, возможно, несколько большей частоте дегенеративно-дистрофических изменений на костях конечностей в ранней группе. Сходные значения (50–80%) встречаемости этих патологий были отмечены и в серии с Даньславли улицы¹³. Плохое состояние суставов и позвоночника является, по-видимому, характерным для населения северо-западных земель Руси.

Также высок и процент зубочелюстных патологий, но в данном случае практически по всем признакам «лидирует» серия монастырского периода. Процент распространенности кариеса у индивидов XIV–XV вв. средний для древнерусского городского населения (46,7%), то же самое можно сказать про частоту одонтогенного остеомиелита (33,3%), а процент прижизненной утраты зубов даже несколько снижен (62,5%)¹⁴. Те же показатели у индивидов XVI–XVII (XVIII) вв. и составляют – 75%, 53,8% и 85,7% соответственно.

Таблица 3. Распространенность патологических и стрессовых маркеров в серии из некрополя Пантелеймонова монастыря

	Ранний период	Монастырский период
<i>Посткраниальный скелет</i>		
Травмы	21,4% (3/14)*	63,6% (7/11)
Артрит, сильнее 1 балла	57,1% (8/14)	44,4% (4/9)
Артрит, до 1 балла	78,6% (11/14)	66,7% (6/9)
Депрессия костной ткани в области impression ligamenti costoclavicularis	7,1% (1/14)	40% (4/10)
Артрит позвоночного столба	69,2% (9/13)	87,5% (7/8)
Периостит	0%	11,1% (1/9)
Энтесопатии	21,4% (3/14)	63,6% (7/11)

¹³ Евтеев А. А., Олейников О. М. Указ. соч. С. 176–192.

¹⁴ Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995. С. 65.

Следы воспалительных процессов	7,1% (1/14)	10% (1/10)
<i>Череп</i>		
Травмы	14,3% (2/14)	8,3% (1/12)
Артрит	14,3% (2/14)	7,1% (1/14)
Cribra orbitalia	0%	0%
Зубочелюстная система		
Прижизненная утрата зубов	62,5% (10/16)	85,7% (12/14)
Одонтогенный остеомиелит	33,3% (5/15)	53,8% (7/13)
Кариес	46,7% (7/15)	75% (9/12)
Сколы эмали	23,1% (3/13)	27,3% (3/11)
Зубной камень	57,1% (8/14)	91,7% (11/12)
Зубной камень, крупные отложения	28,6% (4/14)	41,7% (5/12)
Эмалевая гипоплазия	66,7% (10/15)	83,3% (10/12)
Эмалевая гипоплазия, средней и сильной выраженности	33,3% (5/15)	33,3% (4/12)
Пародонтоз (от 3 балла)	13,3% (2/15)	42,9% (6/14)
Сильная стертость зубов	13,3% (2/15)	16,7% (2/12)

* в одном случае (п. 39) – 2 травмы у одного человека

Разительные отличия между двумя группами также наблюдаются по частоте встречаемости зубного камня и пародонтоза (*табл. 3; рис. 5*).

Частота эмалевой гипоплазии в них в целом сходна и, если учитывать только ярко выраженные случаи этого признака, характерна для городских групп Руси этого времени¹⁵. Интересно, что в серии не встретилось ни одного случая *cribra orbitalia*. Возможно, это связано с малым количеством детских скелетов в выборке.

Сложная история Пантелеймонова монастыря нашла отражение в антропологическом облике людей, захороненных в некрополе, окружающем храм обители.

Среди индивидов из погребений, датируемых XIV–XV вв., которые, по всей вероятности, были людьми знатного происхождения, практически нет женщин и детей. Их средняя продолжительность жизни – около 43 лет – велика по сравнению с синхронными группами. Что касается морфологии черепа, эта небольшая выборка не находит себе прямых аналогий среди серий средневековья и Нового времени с территории Новгорода, Новгородской земли, Пскова, а также Москвы и ее окрестностей. Вполне вероятно, что в данном случае мы имеем дело с группой родственных индивидов, что и предопределяет специфику выборки.

Погребенные этого периода были людьми высокого, по средневековым меркам, роста, широкоплечими, однако не отличались большой массивностью костяка или очень сильным развитием мышечного рельефа. Характерной чертой их телосложения является большая длина голени. Возможно, это, так или иначе, связано с усиленной физической нагрузкой на нижние конечности, что подтверждается также концентрацией здесь энтеоспатических изменений и относительным усилением рельефа большеберцовой кости. Состояние суставов, позвоночного столба и зубочелюстной системы плохое, что, впрочем, вообще характерно для средневековых нов-

¹⁵ Бужилова А. П. Указ. соч. С. 65.

городских серий¹⁶. Частота встречаемости травм скелета и черепа высокая, однако в целом сопоставима с группами синхронного населения.

Выборка индивидов следующего периода, условно называемого «монастырским» (XVI–XVII (XVIII) вв.), сходна с предыдущей только по средней продолжительности жизни и, отчасти, по небольшому количеству женщин среди погребенных. Напомним, что в данный период происходит утрата монастырем своего значения и статуса, завершающаяся его «припиской» к соседнему Юрьеву монастырю. Даже в демографической структуре прослеживаются серьезные отличия с выборкой XIV–XV вв.: здесь доминируют индивиды пожилого (но не старческого) возраста, тогда как в ранней серии распределение по возрастным когортам более равномерно.

С точки зрения строения черепа две группы не имеют ничего общего. Выборка монастырского периода также своеобразна на фоне сравниваемых групп, однако в меньшей степени – она сходна с серией из Георгиевского монастыря в Москве.

Общие размеры тела существенно меньше, чем в ранней группе, отличаются и его пропорции: чрезвычайно сильно укорочена голень. Однако относительная массивность костей не меньше, а в случае костей предплечья и большеберцовой – даже больше, чем у индивидов XIV–XV вв. К этому нужно прибавить небольшое усиление рельефа костей в монастырской группе. Тип физической активности отличался у них, по всей видимости, достаточно существенно: в более поздней группе можно предполагать повышенную нагрузку на пояс верхних конечностей и меньшую – на мышцы голени, о чем довольно определенно свидетельствует распределение маркеров механического стресса. Частота болезней суставов и травм черепа в монастырский период несколько ниже.

Процент всех зубочелюстных патологий значительно выше в группе XVI–XVII (XVIII) вв., и, с учетом тождества среднего возраста двух выборок, можно говорить о худшем качестве пищи по сравнению с ранней группой.

Однако главная и самая яркая особенность погребенных этого периода – обилие травматических повреждений скелета, встречаемость которых (около 64%) не имеет аналогий. В этой небольшой выборке сконцентрированы редкие патологии, которые встречаются далеко не в каждой многочисленной остеологической серии. Очень часты случаи множественных травм на скелете одного индивида, беспрецедентно высок процент энтезопатий (выростов кости). Очевидно, многие из этих повреждений (см. подробное описание выше) приводили к ограничению двигательных возможностей и, выражаясь современным языком, потере трудоспособности. Возникает образ монастыря, который, в соответствии с именем своего покровителя, выполнял функции госпиталя, а может быть и своего рода «хосписа». Интересно, что среди погребений XVIII–XIX вв., связываемых со временем существования помещицкой усадьбы на бывшей монастырской территории, эта тенденция сохраняется: здесь также высок процент индивидов с резко выраженными патологическими изменениями скелета.

В целом об этом заключительном (усадебном) периоде существования монастыря, вернее – его некрополя, можно сказать не много, из-за малочисленности погребений этого времени. Однако, очевидно, что ситуация вновь изменилась по сравнению с предыдущими столетиями. Появляется большое число захоронений детей младенческого возраста (примерно половина всех индивидов), а среди взрослых

¹⁶ Бужилова А. П. Указ. соч. С. 65; Евтеев А. А., Олейников О. М. Указ. соч. С. 176–192.

число мужчин и женщин примерно равно, что никак не свойственно ни раннему, ни монастырскому периоду.

Интересные результаты дало изучение серии изолированных черепов, обнаруженных в основном при раскопках большого некрополя в восточной части храма. В отличие от своеобразных краниологических выборок XIV—XV и XVI—XVII (XVIII) вв., эта серия сходна с позднесредневековыми выборками из Новгородской земли (Раглицы и Войносолово) и самого Новгорода (Даньславля). Этот результат позволяет предположить, что упомянутый участок некрополя мог функционировать, в том числе, как приходское кладбище, и облик погребенных в нем людей характеризует антропологические особенности простого люда Новгорода XIV—XVI вв.

В заключение хочется отметить, что полученные результаты в очередной раз подтверждают необходимость тщательного анализа внутренней микроструктуры сложных диахронных некрополей, в частности — прицерковных кладбищ. Части выборок из таких некрополей, относящиеся к разным эпохам или разным участкам кладбища, могут резко отличаться не только краниологическими особенностями, но также демографическими, остеометрическими, палеопатологическими и любыми другими характеристиками. Эти отличия делают обобщенную характеристику таких серий малоинформативной.